

РЕНАТ ХАРИС

ВЫСТАВКА ПОБЕДЫ — 1975

ПОЭМА

Я много лет с усмешкой принимал
слова о том, что нам нельзя без прошлого.
Я ход судьбы тогда не понимал,
не видя в прошлом ничего хорошего.

Но в некий год, в большой картинный зал
явившись к другу — живописцу знатному,
я словно вдруг на тридцать лет назад
перелетел по волшебству внезапному...

* * *

Я — рано вырвался в начальство,
стал замминистра — в тридцать лет!
(Тогда таких не назначали:
считалось — опыта, мол, нет.)

ХАРИС Ренат — народный поэт Татарстана, автор более чем сорока книг на татарском, русском и других языках России, лауреат многих литературных премий, в том числе и премии Российской Федерации за 2005 год. Член Общественного совета и постоянный автор журнала "Наши современники".

Публикация осуществляется при участии Международного Сообщества Писательских Союзов (МСПС).

Не по знакомству, не за взятку
жизнь эту должность мне дала, —
организаторская хватка
в Ренате с юности была!

К тридцатилетию Победы
в те дни готовилась страна.
И, забывая про обеды,
мы перелистывали беды
те, что отцы и наши деды
в былом извели сполна.
(В нас всех жила ещё война...)

Чем ближе подходила дата,
тем больше сыпалось идей,
как возвеличить нам Солдата,
что от фашизма спас людей.

Чтоб не остался не воспетым
из дней военных — ни один,
в музейном зале, в честь Победы,
открылась выставка картин.

И, плача красками, полотна
кричали, горечи полны,
о тех кровавых, тех голодных,
о тех великих днях войны...

* * *

...И вот — в те месяцы, когда
Казань кипела, как вода,
а праздник сыпал жар и искры, —
из-под берлинских тополей
на наш победный юбилей
попал немецкий замминистра.

Он в ГДР* жил, и в народ
культуру нёс из года в год,
и хоть он был меня постарше,
но я приставлен был к нему,
чтоб объяснять, где, что, к чему —
о чём гласят стихи и марши.

Но, впрочем, с этой стороны
мои услуги не нужны
ему, по сути, оказались,
поскольку с русским языком
он был давным-давно знаком
и им владел легко, на зависть.

Признаться, немцев я тогда
не видел близко никогда,
был первым — этот Клаус Хёпке.
А он легко со мной острил,
цитатами стихов сорил,
словно сидел и говорил
в нём — робот от нажатья кнопки!

* Германская Демократическая Республика (восточная часть Германии, бывшая с 1945-го по 1987 год социалистической).

При слове “немец” — предо мной
не образ Гёте, мне родной,
тогда всплывал и не Бетховен,
а Гитлер и горящий край —
тот изуверски страшный “рай”,
чтоб был войной нам уготован.

К тому толкала нас не месть
(хотя к фашизму счёты есть
у каждого в семье советской) —
то дух Победы в нас пылал,
он жёг нам душу и толкал
на вызов к нации немецкой.

Конечно, я не забывал,
что Хёпке — сам не воевал
и был к фашизму непричастен.
Но дух возмездия во мне
таился громом в тишине
и разрывал меня на части.

Он — ни при чём, но он — из тех,
кто нас губил, так пусть за всех
покается передо мною!
А донесёт потом... Ну что ж —
меня не ввергнешь этим в дрожь,
так — поквитаюсь я с войною!

Я изо всех крепился сил,
а после — немца пригласил
в музей высокого искусства.
Там золотая блещет вязь,
там меж веками вьётся связь,
там пир изящества и вкуса.

Он согласился. И сказал,
что для него музейный зал —
во много раз священной храма.
“Для Вас ведь тоже? Разве нет?..” —
и я легко кивнул в ответ,
но взгляд его — не встретил прямо.

* * *

...И вот — мы в музее. Продлив распорядок,
сотрудники нам открывают Восток.
И видно, что все они искренне рады,
когда что-то гостя приводит в восторг.

И с трепетом, будто и вправду мы в храме,
мы слушаем повесть, идя по коврам,
о тайнах закалки, литья филиграни,
что только болгарским далась мастерам.

И, глубже вникая в Востока истоки,
спросил он, прервавши словес караван:
— Вы разве не тех же кровей, что жестокий
и сеявший ужас вокруг Чингисхан?

И я, тот вопрос принимая по праву,
ответил, не пряча пылающих глаз:
— Он здесь пронесил свою чёрную славу,
и сажа той славы — испачкала нас.

Вот так, проходя меж сокровищ старинных,
не трогая тему войны и вины,
мы вышли в тот зал, где висели картины,
что дням победительным посвящены.

Я сам его вывел туда ненароком,
чтоб, видя, как правда окружит его,
не думал он о Чингисхане жестоком,
а Гитлера вспомнил хоть раз своего.

* * *

...Я, как в кино, смотрю со стороны —
и грудь мою злорадством распирает,
когда на Хёпке жалко со стены
пленённые эсесовцы взирают.

Он переходит дальше к полотну,
но та же тема всюду в каждом зале.
Не выкинешь из памяти войну,
что твои предки в мире развязали!

Вокруг — ни звука. Как на море в штиль.
Он к полотну Якупова* подходит —
На нём застыл поэт Муса Джалиль
(он до сих пор в татарском жив народе!).

На полотне изображён допрос:
Муса — в кольце немецких офицеров.
Поэт — велик. Он будто в вечность врос!
Ну, а фашисты... свора шавок серых.

Вот Клаус Хёпке стал у полотна.
Муса — прекрасен... Мерзко окруженье...
Мне пять минут видна одна спина —
он в полотно глядит, как в отраженье.

И вдруг спокойно, как растёт трава,
сквозь тихий зал ко мне стихи поплыли.
Я их услышал, я узнал слова —
то были строки славного Джалиля:

“Пускай мои минуты сочтены,
Пусть ждёт палач и вырыта могила,
Я ко всему готов. Но мне ещё нужны
Бумага белая и чёрные чернила...”**

Он так читал, что дивно стал хорош,
и показался — на Мусу похожим...

Закончил чтение и сказал: “Ну, что ж...
Поехали ко мне... и там продолжим...”

* Х. А. Якупов, академик живописи АХР, автор картины “Перед приговором”.

** Строки из стихотворения Мусы Джалиля.

* * *

И вот — мы в гостиничном “люксе”.

Коньяк и лимоны
стоят на столе в ожидании нового тоста.
Когда же он каяться будет за жертв миллионы?
Я жду покаянья от нашего умного гостя.

Но тонкие рюмки успеваю между делом наполнить,
так просто спросил меня Клаус, к столу приглашая:
— Скажи мне, коллега... о чём ты хотел мне напомнить,
на выставке этой глазами меня прожигая?

Ты гневом пылал и стрелял, как из пушки, очами,
бросая в меня через зал свои взгляды косые.
Ты, видно, смешал меня в сердце своём с палачами,
которые жгли в сорок первом деревни России.

Так ты бы спросил меня лучше со всей прямоюю,
и я б рассказал, как гестапо отца расстреляло,
а после — и мать. И остался я жить сиротою
у тётки, и та — меня в тёмном подвале скрывала.

Отец мой и мать были видные антифашисты,
и Гитлер казнил их... Я даже примерно не знаю,
где место могилы... и ставлю букетик душистый —
пред Русским Солдатом, в Берлине Девятого мая...

* * *

И, взгляда не пряча, ничуть не лишив себя гордости,
сказал я: “Прости”, — каясь в мелкой предвзятости.
Но стыдно — и ныне. (У совести нет срока годности,
как нет его также у подлости или у святости).

— Подобные выставки делаем мы и в Германии,
ничуть не боясь, что покажется правда обидною, —
итог подводя, молвил Хёпке. И за понимание
мы подняли тост — как за истину, нам очевидную.

— Народ — не шеренги, одетые в форму мышиную,
готовые топтать вперёд за бравурными маршами.
Народ — это те, кто не стали военной машиною.
Народ — это мы. Ты и я. Вместе с болями нашими...

Так он говорил.

И коньяк в наши рюмки долил.
И вновь над столом зазвучал
наш бессмертный Джалиль:

Если жизнь проходит без следа,
В низости, в неволе, что за честь?
Лишь в свободе жизни красота!
Лишь в отважном сердце вечность есть!..

Мы рюмки сомкнули. И высекли радостный звон,
и тост за героя советского провозгласили.
Не часто приходят такие поэты, как он,
для этого надо — и дух, и просторы России!

.....
И, глядя на Хёпке, я был ему так благодарен...
Как будто был в чём-то мой гость настоящий татарин.

Перевод с татарского Н. Переяслова